

Расшифровка интервью

Дата: 23.03.2023

00:00:41

Вот самые главные документы на сегодняшний день у нас. Ну, потому что эта тема не уходит вообще-то из нашего общества. Потому что слишком много было жертв, и об этом помнят те, кто пострадали. Ну, мама до меня-то собирала. Она, в общем, ни одной бумажки никогда не выкинула, ни одной. Всё очень бережно хранила. Вот, видишь, и братика письма, и мамини письма, и папины письма. Вся переписка сохранилась. Вот моё письмо. Это моя няня обвела мою ручку и папочке послала. Она его папой тоже называла. «Папочке от Таты. Ждём... Ждём папу домой». Наверное, год мне было. Его в 1941-м забрали, я в 1941-м родилась. На память. Она малограмотной была, тут ошибок, конечно, полно. «Папи, — через “и” пишет — папи от Нюры и Таты». Но она хороший человек была, член нашей семьи прямо. Вот семейные фотографии. Меня еще на свете не было в это время, я ещё не появилась. Разница у них такая была в возрасте, 1893-й, а мама — 1902-й. То есть папа был постарше мамы. Ну, как и положено, в общем-то, мужчинам постарше быть. Ну, в общем-то, он мало изменился. Конечно, у него потом седенькие волосики появились, вот виски были такие седые. А так-то вполне узнаваем. Он сильно не изменился. У нас еще были, я помню, фотографии очень страшные, папа когда в ГУЛАГе был, и мама в это же время фотографировалась. Но это смотреть невозможно было даже, и мама их уничтожила. Хранила-хранила и уничтожила.

00:02:32

Почему? Почему смотреть невозможно было?

Ну, вот вы же видите иногда по телевизору, бывают передачи на эту тему, там же страшные... Там не люди, там живые скелеты. Вот мама не захотела такие фотографии хранить. Не захотела. Я их видела, мама их всегда прятала. Она их прятала. У нас коробка была большая, такая красивая, с фотографиями, и она всё время вот эти страшные фотографии лицом вниз клала и на самое дно, чтобы никто не видел. Мне очень было страшно, потому что это лица уже как бы даже уже полумертвых людей, не живых. Вваленные щеки, огромные глаза страдальческие. Ну, по телевизору иногда бывают такие передачи. Одни глаза, скулы и глаза. Всё. Лица... И лица нет. У него тут тоже тревожные глаза. Чувствуется время, что это не совсем мирное время было. Глаза у него страдальческие здесь. Вот посмотрите внимательно на его лицо. Ну что, счастливый человек это? Он же напряженный весь. Ну, вот последние фотографии, которые были, там никакой напряженности нет, а наоборот, какое-то выражение у него очень доброе, очень доброе, хорошее. Смотреть можно долго на него. А вот тут напряженность есть.

00:04:29

А если не про фотографию, каким вообще вы папу помните? Какой он был?

На пять с плюсом. Папа был на пять с плюсом. А у него не было недоброжелателей, его все очень любили. Его студенты очень любили. Очень его студенты любили. И когда я пошла работать в мединститут, в лабораторию, пошел слух, что вот тут работает дочка Федора Петровича. Я как музейный экспонат была, мне уже это... Уже перестало нравиться. Открывается дверь, и все смотрят на меня. И причем они молчат, ничего не говорят. Пришли как на экспонат музейный посмотреть.

00:05:16

Мы еще дойдем до периода, когда папа пошел работать, и о его деятельности поговорим. А я скорее вас спрашиваю о человеческих каких-то качествах, которые вы видели, ценили, обожали в папе.

Обожала.

00:05:28

Вот каким он был? Опишите именно его как человека, не как специалиста, а вот как папу.

Как папу. Ну что я могу сказать, как папу? Пять с плюсом.

00:05:38

Расшифруйте.

Да. Потому что лучшего папы, я считала, просто не бывает. Вот нет. Больше нет таких пап, как у меня. Ну потому что у него уж не так много было свободного времени. Тогда ведь в субботу не отдыхали. Это же было намного позже, когда в субботу это был нерабочий день. И вот весь воскресный день он посвящал мне. Весь. Полностью. У нас с ним, значит, такая программа была. Если это было лето, мы ходили всегда на Казанку. Брли с собой вот нашего Гала. Ему там надо было пар выпустить, набеситься, набегаться. И искупать его надо было обязательно, в Казанке мы его купали. Папа там щеткой его даже тер, немножко мылом мыл. Он очень любил купаться. Очень любил. Он в воду лез всегда хорошо. И мы ходили, и он очень хорошо знал растительность всякую. Потому что когда он был мальчиком и был полным сиротой, в 13 лет у него уже никакой семьи не было, ни папы, ни мамы. Почему он знал растения? Потому что работал в аптеке, а тогда же не было такого сильного производства фармакологического, в основном растениями, из растений делали все эти лекарства. Он всё там пока работал, все растения знал. И по-латыни, и по-русск[и], и какое у них действие, и как ими лечиться нужно. Очень, очень он разбирался хорошо в лекарственных растениях. Вот так.

00:07:28

И вы когда гуляли, он вам что, показывал, вы собирали для чего-то?

Показывал. И собирали. И он мне показывал: вот этот цветочек вот так называется, что им можно вылечить вот то-то, то-то, то-то. Вот почему я на биофак-то пошла? Вот, это благодаря ему. Потому что он меня заразил. И ботаникой, и вообще. Лягушек ловили и потом выпускали. Им в неволе же плохо жить. Отпускали. Лучшего папы не было. Лучших не бывает, чем мой папа. Вот так.

00:08:12

Давайте мы тогда вот как раз и начнем разговор о папе с самого-самого его детства. Где они жили, где они обосновались, как он рос. Вот всё, что вам известно.

Знаю. Он мне много рассказывал. Много рассказывал про свое детство. У них была очень... Но все немцы Поволжья, они откуда приехали-то? Ну из Германии. И вот при Екатерине II они приехали. А поскольку она сама была немкой, она очень хорошо к ним отнеслась. Она знала, что они трудолюбивые, честные, что им можно доверять. А на Волге тогда очень много пустовало земель. И вот она, значит, указ издала, чтобы эти земли отдали приехавшим немцам из Германии. Вот так они попали в Саратовскую область. И когда они поселились на берегах Волги под Саратовом, деревню свою образовали, Байдек называлась их деревня, очень они жили неплохо, потому что трудиться все умели на пять с плюсом. Там не было у них таких нищих и бедных не было. Ну вот, жили они вот в этом Байдеке около Саратова города. У них было много детей. И в каком-то году... Когда уже папе было 13 лет — он родился в 1893 году, всё задолго до революции, — и у них началась в деревне эпидемия туберкулеза. Но это же страшная болезнь. Тогда антибиотиков-то еще не было в помине. Их придумали только перед самой войной, эти антибиотики. И он был самый младший. Сколько ему лет-то было? Лет 13, когда вся семья начала умирать. Умерли родители, умерли все старшие сестры и братья его. Все умерли. И остался он... Видимо, он себя очень плохо чувствовал, когда на его глазах вся семья вымирает, и вот тогда, вот тогда он решил, что он будет врачом. И не просто врачом, а инфекционистом, чтобы лечить вот такие заразные болезни, чтобы люди не умирали. Вот так. Ну мечту свою он исполнил.

00:10:51

Давайте прям очень-очень последовательно.

Да. Поставил перед собой вот такую цель, что он будет доктором. А как доктором? Все братья и сестры умерли. Родителей тоже не стало. Одна сестра у него, самая старшая, жила в Саратове, к счастью, к его. Там замуж вышла, жила неплохо. И он что сделал: в 13 лет, не говоря никому ничего, сел на какую-то повозку. Машин-то тогда не было, но была рядом дорога, такая довольно активная. И он вышел на дорогу, попросил кого-то, извозчика, посадить его на телегу, чтобы доехать до Саратова. Он доехал до Саратова, вышел. Но он же там никого не знает, ничего не знает, его никто не знает. И он пошел на главную улицу. Там улица... У них главная улица называлась Немецкая, потому что там жили сплошные немцы, сплошные аптекари были. Сплошь. Вот такая вот Немецкая улица была. И он себе задачу поставил — обойти все аптеки. Вот начал с начала улицы, в одну зайдет, во вторую, в третью. А уехал он еще с собакой. У него была любимая собака, охотничья. Вот тут в этом альбоме есть, Яго. Вот его собака была. Ну это охотничья, курцхаар порода называлась, легавая, по-русски говоря. Ну вот он заходит, стучится в аптеку, приходит и говорит: «Возьмите меня, пожалуйста, работать в аптеку. Я хочу быть доктором». Вот так. Они говорят: «Ну вообще-то нам нужен бы помощник был». Он говорит: «Ну у меня еще собака с собой». — «Ой, собака — это нам не нужно. Уходи, уходи, уходи. Нам никакой собаки не надо, уходи». И вот так его гоняли, беднягу, из-за собаки.

Как только видят, что собака, уже ничего не надо. И всё-таки он настырный был, цель себе поставил, что он должен работать в аптеке и узнавать, какие лекарства есть. Ну вот, зашел в одну аптеку. Начал опять свой разговор, что «возьмите меня, пожалуйста, в аптеку работать, вот это вот моя собака, я не могу ее оставить, она очень меня любит, а я ее люблю». И ему повезло. Повезло. Потому что у них были такие же свои дети, такого же возраста точно. Девочка и мальчик были. Ну вот, хорошие люди оказались. Они говорят: «Ну ладно, давай, оставайся у нас. Будем тебя обучать. Будешь в гимназию ходить учиться. Тебе надо же учиться еще, гимназию кончать». И вот так они остались. Ну хорошие были хозяева, хорошие. И вот эти дети очень хорошо к нему относились. Очень хорошо. Ну как родные были вообще. А как учиться в гимназии? Как? Он же должен работать в аптеке. Он перетирал порошки в тигельке, потом делал растворы, и в его обязанности входило готовое лекарство разносить по домам. Раньше вот так вот было. Приходили, заказывали лекарства, оставляли свой адрес. Они готовили лекарства и им на дом всё это приносили. Он там очень многому научился. Очень многому научился. Он знал, к этому времени он уже знал очень много лекарственных растений. Очень много знал. И научился делать. Ну к нему очень... Они не делали, вот эти хозяева, разницы между своими детьми и им, и он вот так вот хорошо там прижился.

00:15:10

А вы начали мысль, что он ходил в гимназию, но это было затруднено, потому что днем надо было разносить лекарства.

Да. Да.

00:15:17

Вот продолжите эту мысль. Как он вообще учился? И куда дальше он поступает?

Продолжу. Он очень, конечно, хотел учиться. Он способный очень был. И вот, а как быть с гимназией? Надо же ее кончать, как-никак. И он работу делал всю в аптеке, сделает эту работу всю — и шел в гимназию. Но там уже иногда уроки уже кончались. Он не успевал на уроки. И он брал у учителей задание, что нужно сделать, какую домашнюю работу. И вот так он заочно учился. Ну как заочник был. Он же не мог сидеть целый день там. Ему надо работать было. Вот. И несмотря на такой вот ненормальный режим, что он даже не мог за партой посидеть и послушать у учителя... Но там быстро поняли, что он способный очень парень, и очень хорошо к нему относились. Очень хорошо относились. Короче говоря, он кончил гимназию на одни пятерки. На одни пятерки. Вот так.

00:16:33

И куда он потом после гимназии поступает?

Ну у него уже давно был решенный вопрос. Мединститут, конечно. Мединститут. Он на отлично кончил гимназию, поступил в институт. Тоже на все пятерки сдал приемные экзамены и начал учиться. Ну и продолжал работать в аптеке. Да. Потому что надо было же как-то себя-то обеспечивать. Ну ему же не нужен был санитарный какой-нибудь факультет. Только лечебный. Он же врачом хотел быть. У него была мечта, чтобы вылечить вот таких больных, как семья у него. На его глазах же умерли все от туберкулеза, а он хотел, чтобы люди вылечились. Вот он поэтому стал терапевтом. Потом он уже чувствует, что он взрослый парень уже, ему как-то неудобно жить в этой семье. Должен сам деньги зарабатывать. И он пошел работать в аптеку. Ну это уже знакомая для него была такая профессия, он уже много чего умел делать. И он из этой семьи ушел и пошел жить к своей тетушке, которая там вот была. У нее детей не было. Ну, она его приняла, конечно. Вот так в институте он учился, живя у нее. И всё время занимался научной работой. Всё время занимался.

00:18:13

А в чем это заключалось? Можете чуть подробнее рассказать?

Ну какие-то там эксперименты ставил с лекарствами на животных. Потом... Потом в больницу устроился. Он в лаборатории работал. Он лаборантом работал в лаборатории. Очень известная тогда была лаборатория. Он там освоил очень много методов всяких. Как бы такую сам себе практику назначил. Ну, кончил мединститут на одни пятерки, как всегда. А тут они с мамой встретились. Мама тоже институт кончала, но сельхоз-. Ну вот. Пошла любовь-морковь. Собачка, значит, Яго по-прежнему с ним был. Он его никуда не отпускал. Яго очень умный был собака. Очень умный. С полуслова всё понимал. Ну мама в другом месте жила. Он в другом месте жил. И они начали переписываться записочками. А у Яшки был ошейник, папа прикреплял туда записочку, но ее прятал, чтобы она не торчала, чтобы никто не выдернул из хулиганов. Вот так вот. Условное место было. И говорил: «Беги. Беги к Шурочке». И он бежал. Бежал. Прямо по адресу приходил. Никогда не путал ни улиц, ничего. Мама вынимала эту

записочку, писала свою. И вот такая почта без конца работала. Туда-сюда, туда-сюда. Туда-сюда.

00:20:04

Звучит как-то очень сказочно. Очень здорово.

Да. Вот даже сохранились его снимки.

00:20:14

Как папа продвигается в этой своей врачебной медицинской деятельности?

Продвигается. Продвигается.

00:20:19

Что происходит у него в жизни?

Да. Вот знаешь, потому что он встречался очень часто с таким диагнозом, как туберкулез легких, и он в этой профессии начал как бы углубляться и совершенствоваться. Он стал рентгенологом еще. Он прекрасным был рентгенологом. Он купил даже свой рентгеновский кабинет частный. Частный. И начал принимать вот больных. Ну, оттуда они куда поехали? Они поехали в Куйбышев. Раньше в газетах печатали объявления, где есть вакантные места, чтобы люди присылали свои документы на конкурс. И там уже по окончании конкурса объявляли, кто прошел на эту должность. Вот такое объявление было. Он подал туда и прошел. И прошел. И поехали они оттуда в Куйбышев. Город Куйбышев. Там папу берут в академию военную. Кафедрой заведовать. Вот там он пишет статьи всякие научные и защищает диссертацию там, в Куйбышеве. Ну, живут. Живут, живут, живут там. А потом этот мединститут решили расформировать и сделать из него военную академию. А папа категорически против этого был, он не хотел работать в военной академии. Не хотел. И начали думать дальше, как быть, как быть.

00:22:09

Это по каким-то пацифистским убеждениям или как? С чем связано, что не хотел в военной академии?

Ну, не знаю.

00:22:14

Именно слово «военная» смущало?

Да. Да. Он не хотел в военную академию. Не хотел. И потом он... Раньше в газетах публиковали, где есть места вакантные, в каких институтах и на какую должность. Он начал вот это всё контролировать и изучать. И увидел объявление, что Казанский медицинский институт объявляет конкурс на вакантное место такое-то, такое-то. И всё. Решили ехать в Казань. Он подал там все свои эти документы, конкурс прошел, его взяли. В ГИДУВ. Наш ГИДУВ. Это был 1939 год. Меня еще на свете не было, 1939 год это был. Его взяли на должность в ГИДУВ, на кафедру терапии доцентом.

00:23:15

1939 год. Уже кого-то арестовали или кого-то уволили по непонятным причинам. Что-то похожее уже в атмосфере, ну, он чувствует?

Ну да. Чувствует. Чувствует. В конце концов, его забрали. И не только его, а еще пять профессоров из ГИДУВа. И всех сослали в одно место, в Буинск. Есть у нас такой маленький городок, Буинск, забытый всеми. Это не было неожиданно, потому что по всей стране такое творилось. Он же в курсе всего был. И вот пять, значит, и не только... Ну он немец, а там еще были евреи. Евреев тоже забирали. И вот всех пять человек, всех пять профессоров, отправили их в Буинск. Ну, они туда поехали. И где там жить? Его поселили на квартиру. Там пожилая женщина была, татарка. Очень-очень такая симпатичная. Она к ним очень хорошо отнеслась. Ну, там ему спальное место где-то выделила, кормила его. У нее сад был, куры там. Ну, полное хозяйство деревенское. Ну, в общем, они там работали врачами, по своей специальности. А поскольку в Буинске никогда не было вообще нормального врача, вся вот эта вот местность хлынула к ним. Все стояли в очереди, чтобы попасть к доктору. Они там вдвоем были. Мне рассказывал один наш сотрудник, когда я в ЦНИЛе работала. Он тогда был доцентом. Ну, я ему что-то делала там по лабораторной работе. И он как-то подсел [ко мне] и говорит: «Тань, а ты знаешь, я очень хорошо знаю твоего папу». Я говорю: «Откуда вы его знаете-то?» Я удивилась.

Он татарин. Из какой-то провинции, в общем, деревенский бывший парень. И вот он мне говорит: «Я очень хорошо его помню. Когда они приехали вдвоем, это было пять красавцев, один лучше другого. Во-первых, они одеты были не по деревенски. И тогда, когда они шли по дороге, ну, на работу все шли, на прием, все бабушки, дедушки, все мальчишки, мальчишки все залезали на крыши, чтобы лучше было видно, как они идут по дороге, а бабушки, дедушки прилипали к окнам, чтобы посмотреть на них». Вот такое было чудо для Буинска.

00:26:06

А давайте тогда про Свияжск и про ГУЛАГ поговорим.

Ну, как в Свияжске? Значит, вот он очутился в Свияжске. Но у него всё-таки сравнительно с другими зеками чуть-чуть получше были условия. Хотя бы у него угол свой был, где он мог один спать, не там, не в огромном бараке. Потому что он был начальником лазарета, и ему территориально надо было находиться там постоянно. Ну, мало ли что, может быть, плохо кому-то станет или какое-то ЧП произойдет. И вот ему там дали маленькую совсем комнату. И вот зима настала, и он обратил внимание на одного молодого человека, который вот тут у меня висит. Молодой человек, ему сколько-то, ну, лет 19–20, и морозы страшные были, ему не дают рукавицы, а они строили железную дорогу. Они таскали на плечах вот эти балки, которые укладывали под рельсы. Она же тяжелая, потом это мороз, потом нужно лом, если ты возьмешь голыми руками, тут вообще кожу оставишь на нем, при морозе-то. И он его, конечно, очень пожалел. А ВОХРА, ну ВОХРА — это вооруженная охрана, которые там всё время, они почему-то его... Очень плохо к нему начали относиться. Ну, вот какой вот там интеллигент, подумаешь, вот так вот. Их это бесило, что он интеллигентный мальчик. Ну, видно было по нему. И поэтому не давали ему рукавицы. И давали ему лом и заставляли его этим ломом колоть отхожее место. Вот ведь гады какие, да? Вот самую неблагодарную работу. Они сами-то не хотят, пусть вот, дескать, он там поработает на морозе ломом. Папа всё это видел, всё это на ус намотал, сделал из этого выводы свои. И потом он решил про себя, что, если он будет продолжать вот так же голыми руками на морозе ломом работать, он же без рук останется. И без профессии, значит. Он же пианист, и композитор, и пианист. Он два факультета кончал в консерватории. А у него хорошие были отношения очень с начальником лагеря. Он лечил. Маму лечил, и их детей, у него их четверо детей было, а папа лечил взрослых. И поэтому они были как домашние доктора у них. И вот он пошел к начальнику лагеря и говорит: «Вот так-так, появился молодой человек, пожалуйста, определите мне в лазарет санитаром. Чтобы он у меня работал санитаром. Ему нельзя терять руки, он потеряет профессию свою». Ну, тот внял его просьбе. И его, значит, определили к папе санитаром. Потом он у него жил некоторое время, хотя там и места-то не было, даже не знаю где. И потом Альберт Семенович, он сам себе... Вот это Эльза уже мне в последний раз сказала, я не знала, он выкопал себе пещеру. Да. И жил в ней.

00:29:48

Где, там в Свияжске?

Угу. И музыку сочинял. Папа докторскую диссертацию там писал в этих условиях, а он музыку сочинял. Он вот нам ее играл. Он там много насочинял. Надо было иметь, конечно, и чернила, и бумагу, всё такое. Вот он сидел в своей землянке. Землянка у него была, землянка, которую он сам сделал. Ну вот так вот они и жили. Альберт Семенович по возрасту годился ему в сыновья. Ну он что еще, студент же был, а папа уже был взрослым мужчиной. Он понял, что это очень талантливый парень, что ему надо помочь выжить вот в этих страшных условиях. Ну вот он его подкармливал, хотя сам всегда голодный, конечно, был. Потом он, видимо, как-то через начальника лагеря похлопотал, чтобы эта ВОХРА не нагнала настолько, чтобы помыкать им. Ну вот, слава Богу, Альберт Семенович сделал карьеру очень хорошую. А он тогда уже женатый был. Туда приезжала вот его жена, тетя Лена, с Эльзой. А мы с Эльзой были, знаешь, ровесники, с одного года рождения. Она на год меня только старше. И вот мы когда с ней видимся, с Эльзой, мы всё время вспоминаем, как мы там бегали летом. Нас привозили мамочки, а там просторно, хорошо, можно бегать.

00:31:33

Вас привозили туда в Свияжск на свидание с папой?

На свидание с папами. Свидание с папами разрешалось. И мы там были целый день, а вечером только вот уезжали домой. Я помню этот длинный-длинный барак одноэтажный, длинный. И несколько входов было в этот барак. И на крылечке всегда сидели мужчины. Там, видимо, мужской только вот был барак. Они сидели, курили и тихо-тихо разговаривали, очень тихо. И вот я думаю: почему они так тихо разговаривали? Наверное, они не хотели, чтобы кто-то чего-то слышал. Курили, сидели и на нас смотрели. А мы вот вдоль этого барака туда-сюда, туда-сюда бегаем. И они на нас такими глазами смотрели! Ой, ужас, прямо... Своих детей, наверное,

вспоминали, глядя на нас. И мне один дяденька, я не помню его лица, ну, не помню, а руки помню, он мне сделал вот такую кибитку, как у цыган бывает. Колесики из поперечно срезанных толстых таких сучков. Колесики делал. А вот саму кибитку — из коры березовой. Кусок коры он вот просто вот так сгибал. И я туда свою куколку клала. И еще веревочку он мне привязал. И вот я с этим фургоном туда-сюда, туда-сюда целый день. А они все смотрят на меня. И взгляд не отрывают. Видимо, скучают по дому. По дому скучали.

00:33:24

Скажите чуть подробнее, как эта связь между папой и мамой, пока он сидел в ГУЛАГе, вами и папой, как она вообще выстраивалась? Как часто вам разрешали приезжать? Можно ли было писать письма друг другу?

Письма писали. Я помню. Я тогда еще не умела писать, а мама писала. Вы знаете, у нас дома на Комлева образовался штаб. Жены декабристов, они себя так называли: «мы жены декабристов». Вот все приходили к нам, садились вот за этот стол. Сиделись и обсуждали, кто едет в ближайшее воскресенье как посол от жен, кто едет в Свияжск. По очереди они ездили. И каждая, ну, кто не едет, давали для передачи своим мужьям какую-то посылочку, хоть что-то пожуют они. Очень большая смертность была от голода. Очень большая. И вот он пишет письма во все инстанции, чтобы хоть какую-то, хотя бы растительную белковую пищу давали, чтобы люди не умирали. Вот он хлопотал, чтобы белки они получали, чтобы не умерли от голода. Ну и вот он говорит, что растительные белки, они намного дешевле, чем вот... Мясом же не будут их кормить. А если присылали мясо, то оно всё было уже вонючее. Его уже собаки даже не ели, это вонючее мясо. Ну, то, что им не надо, они туда отсылали, в лагерь. У мамы были голодные отеки. Это уже последняя стадия голода, это уже предсмертная стадия. И ее как-то на улице случайно увидел профессор Лепский. А клиника Лепского прямо напротив наших ворот была. Ну, прям вот на Комлева мы жили. Ну вот. Значит, когда Лепский ее увидел, он к папе очень хорошо относился, они дружили с ним, и он говорит: «Александра Ивановна, ну до чего же вы себя довели?» Ведь у нее такой страшный вид был. «Вы же, — говорит, — врач, вы же понимаете, что у вас начались голодные отеки. Это уже последняя стадия голода, самая страшная. Я вам постараюсь... И я знаю, что Федора Петровича забрали». А у нас такая улица Комлева, знаете, она как-то сформировалась как элитная. Там был профессор Лепский, там был профессор Троепольский. Там столько было профессуры, Муаненков там же жил, на улице рядом, на Горького. Так что они все общались друг с другом. У них вот такой вот был как бы кружок свой. И все они папу очень уважали, очень его уважали. Ну и вот он говорит: «Я попробую вам выхлопотать через министерство паяк. Вы же работаете заведующей госпиталем. Ну ведь кухня-то в ваших руках. Ну неужели вы не можете кусочек хлеба себе взять? Ну неужели не можете?» Мама молчит. Она говорит: «Я хожу на работу вот с такой дамской сумочкой, вот с такой, куда даже кусочек хлеба не уместится. И я вешаю ее на плечо, чтобы все видели, что я прихожу с ней и ухожу с ней. И никаких пакетов у меня нет, никаких сеток». Чтобы не говорили, что она что-то с кухни берет. А сама ходит уже вся отекающая от голода. И положили ее в больницу, плохо ей было очень. Положили в больницу, но это всё из-за голода, конечно. А дома кто остался? Мой братик, значит, вот Ува, я грудная. Весело жить, и жрать нечего.

00:37:49

Я знаю, что у вас есть письма, которые писал ваш брат, получается, и папа писал оттуда, из Свияжска. А мы можем сейчас взять их на столе и почитать?

Да, конечно. А это что-то я пишу, какие-то тут стихотворения есть. «Любимые не умирают, а только рядом быть перестают».

00:38:13

Это что сейчас у вас в руках? Почему вы решили прочитать? Что это у вас в руках?

А это я вот выписывала вот такие вот стишки. Вот почитайте, очень хорошие стихи. Ну они коротенькие все.

00:38:30

Давайте попробуем найти на столе письма, которые были адресованы папе, когда он сидел в Свияжске.

«Здравствуй, дорогой папочка. Как ты живешь? Здоров ли? Мы живем хорошо, едим неплохо. А как кормят вас? Как живет...» Какая-то Федоровна. Какая Федоровна, не знаю. А, нет, «как живет Эрнест Федорович. Привет ему. Папочка, мы живем хорошо, о нас не беспокойся. Папуся, я, может быть, к тебе приеду или прилечу на самолете». Он когда уже взрослый был, мы разговаривали на эту тему. Он всё... Да, он мне всё вот повторял. «Я, — говорит, — папе

писал, что я к нему прилечу на самолете, заберу его домой». Ну, бедный мальчишка. «Прилечу на самолете. Папуля, мне больше всего хочется к тебе. Учусь я неважно, потому что в классе очень холодно и все шумят. Сидят в шубах и варежках, окна выбиты. Шумим и кричим за уроками, ничего не делаем. Кричим, что холодно, и поднимаем такой крик, что нас отпускают за два-три урока... За два-три урока. Ну, папочка, до свидания, дорогой папочка, привет всем. Надо... Надеюсь, что скоро мы с тобой увидимся. Дорогому папочке. От сына Феди». Вот так.

00:40:40

Что это за письмо?

Так, этот пишет папа мой, Федор Петрович, пишет в Казань маме. Станция Свияжск, 20-го, 6-го месяца 1945 года. Это уже конец войны, слава богу. Значит, уже настроение как-то поднимается. Тут как-то я, не в этот раз, читала тоже мамино письмо. Папа присылает ей... Ну, там жены декабристов-то, они же всё время курсировали, кто-то да кто-то приезжал, привозил, увозил. И папа послал маме кусочек селедочки. Мама ему пишет ответ. «Дорогой мой, селедочка просто божественная». Ну, чтобы его не расстраивать. А селедку-то им привозили же, которая уже портиться начинала, которую люди-то нормальные не едят. Вот. Божественная селедочка. А потом уже мама мне просто говорила: «Чтобы папу не расстраивать, я вот так и написала, чтобы он радовался, что он нам помог покушать. А на самом деле на нее смотреть-то нельзя было. Вся ржавая была». Ну, в бочках же привозили, в железных. Вот так и посылали последние кусочки, чуть не изо рта вынимали, да? И тот, и другой.

00:42:26

А вы говорили, еще какой-то был важный человек в Свияжске, в ГУЛАГе, для папы важный человек, еще один друг?

В ГУЛАГе познакомились еще с профессором Бенингом, который преподавал математику в КАИ. И там они вот как-то умудрились... Альберт Семенович музыке сочинял, хотя ни бумаги не было, никаких условий совершенно. В землянке сидел. Папа там докторской диссертацией занимался, ну а Бенинг занимался своими самолетами. Они работали вместе с Петляковым. Петляков — это очень известный был летчик. И Бенинг был изобретателем самолетов вместе с Петляковым. Они сделали такое открытие, ну, модель придумали. И всё у них было готово. Чертежи, всё-всё-всё. Вот всё готово, только на производство надо эти чертежи отнести и сделать самолет. Ну ведь не получилось. Петляков разбился, когда он летал, что-то с самолетом у него случилось. А Бенинг в лагере. Всё. Изобретение пропало. Может быть, и уничтожили все эти чертежи, черт их знает, не знаю. И Бенинг ездил на свидание... Вот по моему, с Петляковым они ездили к Циолковскому. Он еще тогда был жив. Старенький, но жив был. Ну они приехали, показали свои чертежи, что «вот так, вот так, мы придумали новую модель самолета, оцените, пожалуйста, ее, как, это пойдет в дело или нет». Циолковский посмотрел, одобрил, вот этот вариант одобрил и сказал: «Ну пока... — как же он сказал? — Ну пока у нас в России есть такие Бенинги, мне можно спокойно умирать». Вот так вот вдохновил его. А когда они вернулись из лагеря, ну Леман, папа, Бенинг, мы с Бенингами, оказалось, живем на одной улице. Вот мы в начале улицы, а он немножко подальше. Так называемый Дом КАИ у нас есть, напротив музея изо. Если вы знаете, где музей изо. Угол Карла Маркса, угол Комлева. А напротив этого музея огромное стоит здание, там живут все преподаватели КАИ. Его так и зовут, Дом КАИ. Хорошо общались. Ну, Альберт Семенович вообще уж... Во-первых, кто-то если болел, в первую очередь звали папу посмотреть, кто болел. Эльза мне рассказывала недавно: «Когда я болела, всегда мои родители вызывали твоего папу». Ну, он безоговорочно, конечно, туда шел. Сблизились они, сдружились все. Он туда шел. И она говорит: «Вот я лежу с температурой. Мне ничего не хочется, и гулять не хочется, и кушать не хочется, и вообще жить не хочется. И плохо мне». И она говорит: «Когда твой папа появлялся, это как солнышко. Как солнышко. Вот я посмотрю на него, и у меня всё проходит». Он там поговорит с ней, погладит ее, как-то отвлечет от своих этих болячек, от болезней. Так что он был домашним доктором у них. Кто бы ни заболел, только его они признавали, больше никого.

00:46:28

В каком году папа выходит из ГУЛАГа, освобождается? Как это происходит? Что вы об этом знаете?

Что я об этом знаю? Ну, это только по рассказам мамы. Его когда отпускали из лагеря, ну, на день, на два самое большее, он должен был через этот срок короткий вернуться туда. И приходила за ним всё время ВОХРА. Ну, то есть его караулили, чтобы, не дай бог, он вдруг убежать захочет. И когда он один раз к нам приехал, наверное, это был Новый год, что ли, я даже не знаю, не помню, приехал. А я маленькой была совсем, я еще и ходить-то не умела. И мама спрашивает: «Детонька, а кто это вот к нам сейчас приехал? Кто?» А я говорю: «Дядя».

Он так обиделся, он так обиделся! Он говорит: «Ну, как же ты не говоришь про меня, что я не дядя?»

00:47:44

А когда он уже не на день, не на два, а окончательно приехал, освободился? Это 1946 год, мы с вами в документах смотрели?

Да.

00:47:52

То есть в 1945 вы прочитали письмо, он еще пишет...

Ну, когда, вы знаете, когда война уже окончательно кончилась, вот тогда их уже распустили. А скольким он людям помог? Он же был единственный доктор, и он был очень хорошим рентгенологом. И чтобы человека отпустить на волю, он должен был написать медицинское заключение, что у него всё в порядке со здоровьем, что можно его выпускать. Всё это он понимал. И вот он иногда, конечно, он говорит: «Я, конечно, немножко против своей совести, наверное, пошел, но мне так хотелось им помочь, чтобы они выжили, чтобы они на свободу попали наконец. А если они тут еще останутся, они могут погибнуть». И он им писал такие диагнозы, что можно было их выписать. И он очень многим вот такую хорошую вещь сделал, что они получили свободу. Но они об этом не знали. Они не знали об этом.

00:48:56

Вы, наверное, папиного возвращения домой не помните, да? Если 1946-й, вам было пять лет, или есть какие-то воспоминания?

Вот как-то он, то ли он приезжал, то ли он совсем приехал, я не помню. И когда я его увидела, я его, видимо, не узнала, что ли. И говорю: «Дядя». Он говорит: «Кто я?» А я говорю: «Дядя». Он на маму напустился: «Это что такое? Ты почему ей не говоришь про меня? Какой я дядя?» А мама говорит, мама начала оправдываться, она говорит: «Детонька, ты покажи, что тебе папа прислал?» И я, говорит, начала показывать сапожки, там еще что-то, какое-то пальтишко, еще чего-то. Ну он в Свияжске это всё покупал. Когда там были серьезные больные и надо было консультировать их и, ну, как бы правильный диагноз поставить, и вот он выезжал время от времени в Свияжск к больным. Но с охраной, естественно, да, с охраной выезжал. И вот как-то... Да, и мама говорит: «Ну, а что тебе папа подарил? Ну-ка покажи». И я, значит, сразу [показываю]: о, о, о, о. То есть она меня приучала: «Вот это папа прислал тебе, вот это папа тебе подарил».

00:50:22

Знаете ли вы вообще, что он чувствовал и думал о системе, о власти, о конкретных личностях?

Ну, чего знаю, ругать он никогда не ругал. Ну так это штрихами показывал свое отношение. Он всё это понимал. Вот когда мы сидели все вместе, всей семьей, слушали радио, когда Сталин-то заболел, это всё время же передавали информацию о его состоянии, как он там. Ну папа всегда свои комментарии давал, что да, это очень у него серьезное сейчас состояние. Ну как врач он оценивал всё это. Но он никогда ничего вот такого негативного, плохого никогда не говорил, хотя он внутри переживал это всё. Но вслух ничего не говорил. Но я чувствовала всё равно, что, как он думает, о чем он думает.

00:51:27

А как вам кажется, о чем?

М?

00:51:30

А как вам кажется, что он думал?

Ну он, как сказать, не было у него на глазах никакой вуали розовой. Он понимал, что это за человек. Лагерь-то он устраивал. Всё его инициатива была. Ой. Вот этот начальник лагеря, где в Свияжске-то папа был, к нему вот этот, Митюшкин его фамилия была, он очень хорошо к нему относился. И жена его тоже хорошо относилась.

00:52:06

К папе?

Да. В общем, он ему там какие-то смягчающие обстоятельства мог предложить, ну, чтобы там безобразия не было по отношению к нему. И когда уже папа вышел из ГУЛАГа, мы оказались живущими почти на одной улице с ними. Вот мы на Комлева живем, вот тут наши ворота, прямо у конца улицы, а тут угол на Бутлерова, где трамвай ходит. И они жили на остановке, следующей от нас, перед спуском под гору. Там дальше же гора спускалась к кольцу, а они жили в деревянном двухэтажном доме. Я помню, мы ходили все вместе к ним в гости. Помню я эту квартиру хорошо. И проходит много-много лет, и вдруг его жена звонит моей маме и говорит: «Вот мне как ветерану войны дают каждый год бесплатный проезд на пароходе, но каюта двухместная, мне нужно кого-то с собой взять. Вот я хочу вашу дочку взять. Разрешите вы мне ее взять с собой?» Ну мама говорит: «Поговорите с ней». Это уж я взрослая была. Вот так мы с ней поехали.

00:53:30

То есть это, получается, жена начальника охраны?

Жена начальника лагеря.

00:53:34

Который в общем-то...

Не охраны, а лагеря.

00:53:37

Начальника лагеря?

Лагеря.

00:53:39

Лагеря, в котором был папа.

Да.

00:53:41

Вы отправляетесь в путешествие по реке?

Да.

00:53:44

С... Ну в общем...

С кагэбэшницей.

00:53:46

С кагэбэшницей

Она всю жизнь, с молодых лет, сразу после школы даже, что ли, она попала вот в эту систему. И она очень там себя хорошо чувствовала, как рыба в воде. Сталина обожала. Обожала Сталина.

00:54:06

А какие у вас разговоры были с ней во время этого круиза?

Ой, я вот уже сама себе сказала: язык держи, чтобы не дай бог там про Сталина что-нибудь сказать нехорошее. И она вот говорила, она была участницей войны, и у них был девчачий батальон. Девчонки одни были молодые. И она говорит: «Вот как начиналась бомбежка, это так страшно! Это так страшно! Мы молили бога: "Господи, помоги, ну помоги нам выжить, чтобы не погибли мы тут"». И вот кто меня, дьявол, дернул за язык в это время? Я говорю: «Так вы же коммунисты, вы же не верующие все в бога». Я говорю: «Так вы молились бы Сталину, чтоб так не было. Он же у вас бог». Она обиделась на меня за такую фразу.

00:55:07

Это вы круто сказали.

М?

00:55:09

Это вы круто сказали.

А потом пожалела, думаю, она, наверное, рассердилась. Но она рассердилась, да. Она рассердилась. А что богу-то молиться? Чего богу-то молиться? Они все не верующие. Никто в бога не верил. Я поняла, что ей надо было. Ей нужна была служанка. Вот что. И она каждый раз, в день сто раз скажет: «Ой, сбегай, принеси мне кипяточку. Ой, принеси мне холодненькой водички. Ой, вот, — если мы там на остановке на какой-то, — вот давай купим арбуз, давай вот купим дыню». Тыры-пыры, всё складывали это под лежанку. Вот, то есть прислуга ей нужна была. Прислуга нужна была.

00:56:04

Но мой всё-таки вопрос связан с тем, когда у вас, как вы сами говорите, эта розовая вуаль упала и вы всё поняли о событиях, которые происходили в стране и сколько людей пострадало. Когда у вас это осознание случилось?

Ну как осознали? Вот я на папе своем осознала. Какие вот с ним рядом люди сидели. Достойнейшие, талантливые, которые могли бы стране сделать очень много пользы. Ну тот же Альберт Семенович, он же талантливый человек. Он же профессором стал. Его потом татары выжили из консерватории. Ну, нет худа без добра. И его тут же с руками, с ногами взяли в Московскую консерваторию. С удовольствием взяли, потому что они уже знали, что это за специалист такой высокий. Ну, когда мы маленькими были, да, как-то искренне всё верили, потому что галстуки носили. На эти ходили... На всякие слеты пионерские и так далее. Ну, потом быстро протрезвели. Пересмотрели свои взгляды. Ну, я поняла, что такое кагэбэшницы. Железные люди. Железные.

00:57:40

А протрезвели благодаря, не знаю, XX съезду, после смерти Сталина? Или вот именно личная история — из-за того, что ваш отец был внутри этой системы?

Вот когда папа сидел, я же тоже много об этом думала. Почему мой самый лучший в мире папа сидит в тюрьме? Почему? Я маме такой вопрос задавала. Как вот на него ответить? Когда там лучшие люди сидели. Весь ум. Ну, сейчас я понимаю, почему так было, такой террор. Потому что голова такая была у нашей страны. Он жестокий же был человек, Сталин-то. Говорят, что у Сталина была тайная комната, в которую он никого не впускал. Он там молился.

00:58:41

Верите? Верите в это?

Может быть, у него когда-то совесть просыпалась, хоть в какой-то степени. Он туда шел, чтобы на глазах у зрителей не плакать. Может быть. Вот, это инфекционная больница. Деревянное здание. Ну, основное каменное, а тут вот палаты были. Вот. И папа тут очень долго, много лет работал. Ну, он вышел из лагеря. Он же до этого работал в ГИДУВе на кафедре терапии, а когда он вернулся, ему, значит, записочку сделали, что «ваше место уже занято». И он пошел и обратился в медицинский институт. Он знал, что есть вот такая кафедра инфекций. Он обратился в медицинский институт, и его взяли с удовольствием, с руками, с ногами. И вот он уже оставшуюся часть своей жизни работал вот в этой больнице инфекционной.

00:59:55

А как вам кажется, может быть, папа это озвучивал, вот эта его мечта побороть туберкулез, справиться, найти вакцину от этого, она осуществилась, как он сам оценивает?

Да, он, знаете, вот по этой теме работал. По этой теме работал. Вот по теме туберкулеза и всяких вообще легочных заболеваний. Легочным заболеванием он занимался до конца жизни своей. Видимо, очень хорошо запал этот ему вопрос. И вот стояло это здание, стояло, стояло. И однажды я ехала из сада, это уже папы не было, он умер в 1955 году. Его уже не было. И я иду, у меня цветов, огромный такой букет цветов. Я перехожу вот с той стороны, от чеховского рынка, вот сюда, чтобы идти домой. Дом-то наш дальше находится. И смотрю, там скидывают крышу, железо с крыши. И такой грохот стоит, и такая пыль летит. Они разрушают вот это здание, чтобы построить на этом месте... Там сейчас громадные многоэтажные, вроде вот этих

вот стоит огромное здание. У меня сердце екнуло. Ой, думаю, боже мой! Ведь через несколько часов этого здания не будет. А у меня огромный букет цветов. Я захожу через главный вход, поднимаюсь наверх, выхожу на второй этаж, к папиному кабинету. Там еще ничего не разорено, просто дверь прикрыта, но не заперта на ключ, к счастью. Табличка осталась. Я захожу, там уже крышу сломали, и оттуда валится весь этот мусор, и штукатурка, и не знаю чего. Думаю, скорее надо уходить, потому что они сейчас вообще всё сюда скинут. И у меня, к счастью, в руках был большущий букет цветов. Я, значит, как-то смахнула со стола с письменного вот этот мусор, и всё накидала, все цветы, которые у меня были. Ну вот, получилось так, что я вроде как бы на могилу пришла. А крыши уже нет. Крыши уже нет. Они всё уже сломали. Вот так печально было.

01:02:27

Можно — нам уже надо заканчивать — я переключусь на другую тему. Папа ваш в 1955-м умер, в 1953-м Сталин умер.

Да.

01:02:35

Вот этот момент вы помните или нет, смерть Сталина, что обсуждалось в семье? Помните ли вы день смерти Сталина или нет?

Помню. Помню.

01:02:44

Скажите еще, что вы за этим столом сидели, когда узнали. Нет?

Нет, у нас радио было в маленькой комнатке, там, где брат был. Мы сидели на его постели и слушали приемник. Не потащили его в эту большую комнату. Во-первых, что я помню? Первым делом в школе. Пришли мы в школу. А у нас между этажами площадка была, и там большой бюст стоял Сталина, что он на руках вот так вот держит девочку. Девочку держит. Ну, все мы уже привыкли к этой статуе. И, значит, учителя начали говорить: «Так, у кого светлые бантики, все бантики снимайте. Ну, у кого темные, можно оставить». Ну, 90 процентов ходили лохматыми. Ну, вот если у нас косички заплетенные, мы их расплетем, это что будет — баба Яга. Вот такая вся школа ходила. А у кого были светлые бантики, у всех изымали их.

01:03:54

В честь траура?

В честь траура. А у кого темные — оставляли.

01:04:00

А в семье здесь, папа с мамой тоже в трауре были? Или они...

Да нет, я бы не сказала, что они прям были удручены сильно. Нет. Ну, случилось вот такое. Сталинский, они пережили Сталинский этот режим ужасный. Сидели и тряслись сколько лет, как у Чуковского: «Только и видно, как уши дрожат». Только видно еще это что-то, как хвосты трясутся. Да? У Чуковского же есть такое? Я просто, вот выписка у меня есть. В Библии сказано: помните узников, как бы и вы были в узах с ними. В Библии. Узы — это что? Это решетка на окнах. Папа очень часто повторял такую фразу: «Я сегодня во сне видел Свяжск. Это к болезни». И представьте себе, вот это, к сожалению, всегда осуществлялось, когда он говорил такую фразу. Вот Свяжск — это вот, видимо, затронуло у него самые больные точки в мозгу. Действительно, он начинал болеть сразу. Это сократило ему жизнь, конечно, хорошо. Вот Свяжск.

01:05:37

Вы размышляли сами над тем, как бы сложилась папина жизнь и вообще жизнь вашей семьи, если бы не было этого ГУЛАГа, не было бы этого Свяжска? И когда вы об этом думали, что вы испытывали, вы винили власть в этом, ненавидели ее или вы как-то внутри оправдания находили этому всему?

Ну как это можно оправдать такие вещи? Ну как можно оправдать? Это же фашизм настоящий. Ну как вот можно было издеваться на морозе над людьми? Нет, это фашизм. Еще ладно вот такой, это был начальник этого лагеря, ну не сволочь. Всё-таки он как-то более-менее человечно старался относиться. Если бы не было этого чертова ГУЛАГа, во-первых, он бы был здоров, остался здоров и в нормальных условиях защитил бы свою диссертацию и продолжил

свою карьеру.

01:06:35

А в масштабах страны, на ваш взгляд, какое значение?

Ой, вы знаете, мы были в одном музее, этот музей в какой-то школе. Что-то нас далеко везли, везли-везли на автобусе, я даже не знаю этого района. И там вот такие учителя очень активные оказались, они с ребятами вот эти темы все как бы изучают, обговаривают. И у них большая комната, ну типа музея, и на стене висит огромная карта, которую ученики сделали, ну типа контурной карты, она не цветная. И вот там все ГУЛАГи, которые были у нас в стране, нарисованы как колючая проволока. И вот если посмотреть сразу, не вникая в это, там вообще чистого места не осталось на этой карте. Кругом, кругом вот эти колючки, колючая проволока. Вся страна наша обмотана вот этой колючей проволокой, начиная вот с запада и кончая востоком. Я когда посмотрела на эту карту, думаю: боже мой, какой ужас, а? Не страна, а тюрьма. Вся страна превратилась в тюрьму.

01:07:57

Какие истории были, какие люди собирались? Может быть, есть какая-то одна история суперважная, значимая для вас, которая за этим столом происходила? Может быть, папа здесь работал над чем-то?

Нет, зачем? У него был кабинет, у него был письменный роскошный стол огромный с ящиками.

01:08:14

Может быть, был у вас ритуал здесь за чаем собираться всем вместе? Вот он работает, но знает, что в 16:00 здесь чаепитие. Ну это я так примерно, условно говорю.

Нет, ну вы правильно попали, потому что мы обедали всегда в одно и то же время всей семьей. И вот за этим столом. Всегда обедали вот за этим столом. Но он, конечно, не растянутый был, а такой, в маленьком состоянии. И потом, когда гостей приглашали, я вот всё всем говорю и детям своим, я говорю: «Ребята, вот этот стол, он музейный. За ним сидел весь цвет медицины города Казани». Я говорю: «Тут такие люди сидели, где бы они еще собирались вот так все вместе?» Вот все самые такие большие медики Казани, весь цвет медицины собирался. Ну, они так хорошо общались, шутили друг с другом.

01:09:19

А поминали папу тоже за этим столом?

А?

01:09:21

А поминали папу тоже за этим столом?

Конечно, конечно. Конечно.